

The book cover features a dark, textured background with a central, faint image of a person's face. A large, intricate spiderweb-like crack pattern radiates from the center, overlaying the entire image. The author's name is at the top, and the title is at the bottom, both in white, bold, sans-serif capital letters.

РУПЕРТ ГРЕЙ

РОМАН
ГОЛОСОВ

Роман голосов

Руперт Грей

Оглавление

Пролог. Шорох перед бурей

Часть I. Пока мы были людьми

Глава 1. Воскресное утро

Глава 2. Первые тени

Глава 3. Стена молчания

Часть 2. Вторжение

Глава 4. День рождения

Глава 5. Шторм

Глава 6. Изъятие

Часть 3. Разлука

Глава 7. Запах хлорки

Глава 8. Стена

Глава 9. Изгнание бесов

Глава 10. Суд

Глава 11. Последняя надежда

Часть 4. Антикультовая сеть: Механизмы подавления

Глава 12. Архитекторы ненависти

Глава 13. Четыре этапа к уничтожению

Глава 14. Голоса из бездны

Часть 5. Осколки

Список использованных источников

Пролог. Шорох перед бурей

Голос. Девочка. Шепотом.

Я рисовала жирафа с очень длинной шеей, чтобы он мог дотянуться до самого неба и попробовать облако на вкус. Восковой мелок был теплый, мягкий, он пах медом и оставлял на бумаге шершавый след. Облака, наверное, как сладкая вата, только без запаха. А за окном выла сирена скорой помощи, протяжно и тоскливо, как будто плакал большой и одинокий зверь. Улица пахла мокрым асфальтом и выхлопными газами, но мне было не страшно, потому что мама была рядом, на кухне, и оттуда пахло яблочным пирогом, корицей и ванилью. Мама пахла домом, теплом, спокойствием. Я любила зарыться лицом в ее халат и вдыхать этот запах. Он был настоящим.

А потом пришли люди, от которых пахло холодом, улицей и табаком. Резкий, горький запах, от которого хотелось чихать. Они не разулись, и под их тяжелыми ботинками скрипел наш старый паркет, каждая досочка стонала от боли. Они сказали, что мама и папа «экстремисты». Я не знала этого слова, но оно прозвучало резко и страшно. Оно было колючим, как ежик, но без смешного носика. И я поняла, что теперь я тоже, наверное, не человек. Я пыталась вспомнить мамины руки, как они поправляли мне волосы, когда я засыпала. Разве у нелюдей бывают такие руки? Мягкие, теплые, пахнущие ванилью?

Голос. Ведущий новостей. Холодно, безэмоционально. Металлический отзвук в голосе.

«...в ходе спецоперации пресечена деятельность ячейки экстремистской организации, запрещенной на территории Российской Федерации решением Верховного суда. В ходе обысков изъята запрещенная литература, электронные носители информации и средства связи. Установлены факты вовлечения несовершеннолетних в деструктивный культ, подрывающий традиционные духовно-нравственные ценности нашего общества, что создает угрозу их психическому и физическому здоровью... Возбуждено уголовное дело по части 1 статьи 282.2 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Правоохранительные органы продолжают работу по обеспечению национальной безопасности...»

Голос. Неизвестный мужчина. По телефону, глухо, сквозь помехи.

«Да, объект взят в разработку. Семья обычная, как по методичке. Двое детей: мальчик, девочка. Идеальный материал, возраст подходящий. Будем работать по стандартной схеме. Медийку подключим через пару дней, пусть сначала помаринуются. Потом опеку. Экспертизу Дворкин подготовит, не беспокойтесь. Он уже дал предварительное заключение: "признаки возбуждения религиозной розни" и "утверждение об исключительности своей веры". Этого хватит для суда с головой. Главное создать правильный фон. Чтобы соседи шарахались, а учителя в школе косо смотрели. Чтобы земля под ногами горела. Психологическую обработку детей начнем сразу после изъятия. Все будет чисто. Не впервой».

Пауза.

Осенний вечер. Резкий, порывистый ветер гонит по асфальту ворох мокрых, почерневших листьев. Запах прели, сырой земли и дыма от далеких костров. Одиноким фонарь выхватывает из темноты мокрые от дождя качели во дворе. Они медленно раскачиваются на ветру, скрипят жалобно, настойчиво, будто зовут кого-то. Пустые. На сиденье забытая кем-то кукла с оторванной ногой. Она смотрит в серое, низкое небо одним стеклянным глазом, в котором застыло отражение безразличного фонаря.

Часть I. Пока мы были людьми

Глава 1. Воскресное утро

Голос. Мать.

Наш дом пах яблочным пирогом и спокойствием. Я помню это так отчетливо, будто это было вчера, а не в прошлой, украденной жизни. Каждое утро начиналось с солнечных зайчиков на стене в детской. Они прыгали по обоям с принцессами, и дочка, просыпаясь, пыталась поймать их ладошкой, заливисто смеясь. Я слышала

этот смех из кухни, и он был лучшей музыкой на свете, лучше любой симфонии. Я помню, как мы сажали цветы на балконе. Маленькие бархатцы, анютины глазки. Дочка своими крошечными пальчиками делала ямки в земле, а потом спрашивала, глядя на меня своими серьезными синими глазами: «Мама, а цветы тоже молятся Иегове?». Я улыбалась и отвечала: «Конечно, солнышко. Они молятся, когда поворачивают свои головки к солнцу. Это их способ сказать спасибо за свет и тепло». Для нас вера была вот в этом — в благодарности за свет. Дети возвращались из школы, и их смех, их топот, их бесконечные «мам, а почему?» наполняли все пространство жизнью. Мы были самой обычной семьей. Мы никого не трогали. Мы просто верили в Бога по-своему, как подсказывало сердце, как учила нас Библия. Разве это преступление?

Я помню, как мы выбирали обои в детскую. Сын хотел с машинками, гоночными, красными. А дочка с принцессами в пышных платьях. Мы долго спорили, смеялись, представляли, как это будет выглядеть. Муж развел руками и сказал: «Делать ремонт — это как маленькая война». А потом обнял меня и детей и добавил: «А давайте поклеим и те, и другие. Каждому по своей стене счастья». Так и сделали. Одна стена гоночная трасса, другая сказочный замок. На стенах висели их рисунки в простых деревянных рамочках, наши семейные фотографии: вот мы на море, вот мы у бабушки в деревне, вот сын первый раз пошел в школу. Это был наш мир, наша история. Я смотрела, как дочка водит пальчиком по платью нарисованной принцессы, что-то шепчет ей на ухо, и думала: какое же это счастье. Простое, земное, человеческое. Счастье, пахнущее обойным клеем и надеждой. Однажды я застала их за игрой: гоночная машинка приехала «спасать» принцессу из замка. Они смеялись. Я стояла в дверях и не могла на них насмотреться. В тот момент казалось, что так будет всегда.

Наша вера не была чем-то показным, агрессивным. Она была для нас тихой гаванью, местом, где мы учились быть добрее друг к другу, к миру. Мы читали Библию, и там было написано: «Люби ближнего твоего, как самого себя». Мы и любили. Это не было просто словами. Это была любовь в действии. Каждую субботу мы с мужем и детьми выходили убирать наш двор. Просто так. Собирали мусор, подметали дорожки. Сначала соседи смотрели с удивлением, а потом некоторые стали присоединяться. Мы помогали пожилым, участвовали в субботниках, платили налоги. Когда у Антонины Петровны с пятого этажа сломался холодильник, муж потратил целый выходной, но починил его. Бесплатно, конечно.

А она принесла нам потом банку соленых огурцов, своих, с дачи. Такие хрустящие, пахнущие укропом и чесноком... Такие простые, человеческие вещи. Мы не знали, что за эту любовь нас однажды назовут врагами народа.

Каждое воскресенье мы шли на собрание. Надевали чистую, нарядную одежду. Я гладила мужу рубашку, дочке платье с кружевным воротничком. Дети вели себя по-особенному тихо, торжественно. Для них это не было скучной обязанностью. Это был наш маленький праздник. Праздник, где мы были среди своих, среди тех, кто понимает тебя без слов. Мы пели песни, слушали речи, основанные на Библии, делились мыслями. Песни были простые, мелодичные, они наполняли сердце теплом. Зал был наполнен тихим гулом голосов, запахом духов и чистоты. Я держала дочку за руку и чувствовала, как ее маленькая ладошка вторит мне, сжимаясь в такт музыке. Это давало силы на всю следующую неделю. Силы быть честными на работе, терпеливыми с детьми, любящими друг с другом. Этот праздник у нас отняли, вырвали с корнем, втоптали в грязь. Сказали, что это не праздник, а «сборище экстремистов».

Голос. Отец.

Я любил свою работу. Инженер-строитель. Это звучит гордо. Я строил мосты. Вещи, которые соединяют: людей, берега, города. Я помню свой первый большой проект — мост через реку в нашем областном центре. Я приходил на стройку каждый день, даже в выходные. Я знал по имени каждого сварщика, каждого монтажника. Мы вместе мерзли зимой, потели летом. Я видел, как из чертежей, из расчетов, из груды металла и бетона рождается что-то большое, прочное, долговечное. Я чувствовал руками холодную шероховатость еще не застывшего бетона, вдыхал резкий, озоновый запах сварки, слушал гул работающей техники. Как стальные тросы натягиваются, словно струны гигантского инструмента, издавая низкий, вибрирующий звук. Как рабочие, простые мужики, с обветренными лицами, вкладывают в это дело свою силу, свой пот. И когда по мосту пошла первая машина, я стоял на берегу и чувствовал... не гордость, нет. Чувствовал сопричастность. К чему-то правильному, нужному. То, что служит людям. Меня уважали коллеги, ценило начальство. Я был на хорошем счету. Моя вера помогала мне быть честным в работе. Не подписывать липовые сметы, не закрывать глаза на брак. Мосты должны стоять веками. Как и правда.

По выходным мы встречались с единомышленниками, читали Библию. Эти встречи давали силы и фокусировали на том, как важно жить честно, по совести, с любовью в сердце, быть хорошим мужем, хорошим отцом. Я учил детей не врать, не воровать, уважать старших. Все то, чему учат в любой нормальной семье. Однажды мы с сыном чинили его велосипед. Он злился, что цепь все время соскакивает. Я показал ему, как правильно настроить натяжение, как смазать звенья. И сказал: «Смотри, сын. Вера она как эта цепь. Если она слабая или грязная, она соскакивает. И ты крутишь педали впустую, стоишь на месте. А если ты держишь ее в чистоте и правильном натяжении, она передает твою силу колесам, и ты едешь вперед». Я учил их думать. Не принимать на веру, а проверять, исследовать. «Иегова дал нам не только сердце, чтобы верить, но и разум, чтобы понимать», — говорил я им. Мы были законопослушными гражданами и лишь стремились пользоваться теми правами и свободами, которые гарантирует государство: свободой вероисповедания и уважением нашего человеческого достоинства

Однажды сын спросил меня: «Папа, а почему мы не такие, как все? Почему не ходим в ту большую церковь с золотыми куполами?». Я посадил его на колени, обнял и сказал: «Сынок, у каждого своя дорога к Богу. Представь, что Бог это вершина высокой горы. А к ней ведут разные тропинки. Кто-то идет по широкой, протоптанной дороге, где много людей и громкая музыка. А кто-то по узкой, каменистой тропке, где нужно смотреть под ноги и помогать друг другу. Главное, чтобы эта дорога вела вверх, к свету, а не вниз, во тьму». Он нахмурился, подумал и спросил: «А наша тропинка правильная?». «Я верю, что да, — ответил я. — Потому что она учит нас любить, а не ненавидеть. Она учит строить мосты, а не стены».

Я не знал тогда, что наша дорога будет проходить через мир, где свет называют тьмой, а любовь экстремизмом. Я строил мосты, которые соединяют. А они возводили между людьми стены. Стены из ненависти, лжи и страха. И эти стены оказались прочнее любого бетона.

Голос. Девочка.

Я любила играть с братом в пиратов. Наша двухъярусная кровать была кораблем, а старое лоскутное одеяло парусом. Мы плыли в далекие страны за сокровищами. Сокровищами были мамины пуговицы в старой жестяной коробке из-под печенья.

Там были блестящие, как золото, и перламутровые, как жемчуг, и матовые, как морские камни. Брат был капитаном, он говорил басом: «На abordаж!». А я его помощником. Я стояла на «носу» корабля (на краю кровати) и кричала: «Земля!». Мы сражались со штормом (когда папа тряс кровать) и с морскими чудовищами (наш кот Мурзик лениво отбивался от нас лапой). Наша комната превращалась в океан. Стулья были необитаемыми островами, а ковер — морскими глубинами, где живут русалки.

Мама читала нам на ночь сказки. Про добрых фей и злых колдунов. Я всегда знала, что добро побеждает. Злой колдун всегда превращается в камень или улетает прочь, а принц спасает принцессу. Папа говорил, что Иегова самый сильный, и он всегда защитит тех, кто его любит. Я ему верила. Я представляла Иегову как очень-очень большого и доброго волшебника с длинной седой бородой, как у Гэндальфа из книжки, которую читал папа. Он сидит на облаке и смотрит на нас, и если нам грустно, он посылает солнечного зайчика, чтобы нас развеселить.

Больше всего на свете я ждала своего дня рождения. Мне должно было исполниться восемь лет. Восемь это уже почти взрослая. Я уже придумала, что надену. Синее платье в белый горошек, которое мама мне сшила сама. Я видела, как она сидит вечерами за швейной машинкой, и та стрекочет, как кузнечик. Платье висело в шкафу, я тайком открывала дверцу и трогала его. Оно было мягкое и пахло новой тканью. Мама обещала испечь большой яблочный пирог и восемью свечками. Я репетировала, как буду их задувать. С одного раза! Я загадала желание: чтобы у меня появился щенок. Маленький, с висячими ушами и грустными глазами. Я даже имя ему придумала — Рикки. Я рисовала его в альбоме. Черный, с белым пятнышком на груди. Я не знала, что в мой день рождения ко мне придут не гости, а чужие люди, и что единственным подарком будет страх. Ледяной, липкий страх, от которого не спасают ни мамины объятия, ни папины сильные руки. Страх, который поселится внутри и будет жить там всегда.

Свидетельство. Соседка. Антонина Петровна, пенсионерка.

Ой, да что вы, прекрасная семья. Такие интеллигентные, вежливые. Дети всегда здоровались первыми, никогда мимо не пройдут, еще и спросят, не помочь ли сумки донести. Девочка такая светленькая, как ангелочек. А мальчик серьезный, в отца. Он инженер, на хорошем счету был, она, кажется, в библиотеке работала,

всегда с книжкой. Тихие, спокойные. Жили тихо, ни с кем не ругались, музыку громко не включали. У меня как-то кран на кухне прорвало, так их отец прибежал быстрее любого сантехника из ЖЭКа, все сделал, денег не взял: «Что вы, Антонина Петровна, мы же соседи».

Ну да, ходили они куда-то по воскресеньям. Все вместе, нарядные такие. Но разве ж это преступление? У нас полстраны куда-то ходит. Я у них соль занимала, они меня пирогом яблочным угощали. Никогда бы не подумала...

А потом как с цепи все сорвались. По телевизору показали, в газетах написали... эти... «Свидетели»... И что они шпионы, и детей своих не лечат, и квартиры отбирают. Ужас, что показывали. И их фотографию показали. Мельком, но я узнала. И все. Будто не люди они стали. Страшно. Я сначала не верила. Думала, ошибка какая-то. А потом смотрю один канал, второй, третий... везде одно и то же. И думаю, ну не могут же по центральному каналу врать? Это же государство. И как-то само собой получилось, что здороваться перестала. Встречу на лестнице и глаза в пол. Стыдно было, и страшно. А что я? Я человек маленький, одинокий. Боязно. От греха подальше. Муж у меня покойный всегда говорил: не лезь, убьет. Вот я и не лезла. Потом уж, когда все случилось, жалела. Сидела у окна, смотрела, как их увозят, и плакала. Тихонько, в платочек. Да что толку-то жалеть. Время не воротишь.

Глава 2. Первые тени

Голос. Мать.

Все началось со звонка. Позвонила Лена, подруга, с которой мы вместе росли, в одной песочнице играли, секретами делились. Она говорила быстро, сбивчиво, пересказывала сюжет по телевизору. Прозвучало это слово... «секта». Оно ударило, как пощечина. Оглушило. Я пыталась ей объяснить, что это ложь, что мы не такие, что она же нас знает двадцать лет. «Лен, ты же была у нас на свадьбе, ты ела мои пироги. Ты правда веришь, что я могу быть... этим?». А она молчала в трубку. И в этом молчании было что-то страшное, окончательное. Будто между нами выросла толстая стеклянная стена. Я ее вижу, я с ней говорю, а она меня не слышит. Она

слышит только телевизор. «Маша, прости, мне некогда», — пробормотала она и повесила трубку. И больше не звонила.

Потом одна мама, не из нашего класса; плача в трубку, говорила: «Как люди могут верить в это? Я же вас знаю, я знаю, как вы живете!».

А остальные верили. Сначала шепот за спиной в магазине, потом ледяное молчание на родительском собрании. Я пришла, села за парту, как всегда. А другие мамы, с которыми мы еще неделю назад обсуждали оценки и планы на каникулы, демонстративно отодвинулись. Будто я заразная. Я сидела одна на задней парте, и вокруг меня было пустое пространство, зона отчуждения. Однажды в булочной, куда я ходила каждый день, продавщица, которая всегда мне улыбалась, швырнула мне сдачу на прилавок, не дотронувшись до моей руки. Мелочь рассыпалась по полу. Я собирала монетки, а она смотрела на меня с ненавистью. Я поняла: нас стирают. Методично, как ненужную строчку в тетради. Ластиком. Из жизни других людей. Они делали вид, что нас нет. Что мы пустое место.

По ночам я стала просыпаться от любого шороха. Скрипнула половица у соседей, у меня сердце в пятки уходит. Проехала машина под окном, я бегу к занавеске. Мне казалось, что кто-то стоит за дверью и слушает, как мы дышим. Муж успокаивал, говорил, что это нервы. А я чувствовала, как сжимается кольцо. Как воздух становится густым, плотным, как его трудно вдыхать. Это был запах беды. Запах страха. Он просачивался в квартиру сквозь щели в окнах, он оседал на мебели, на одежде. И от него было некуда деться.

Голос. Отец.

Я читал эти статьи. В них не было ни одного факта, сплошные эмоции и откровенная ложь, выдернутые из контекста фразы из наших публикаций. Я, как инженер, привык к логике, к фактам, к причинно-следственным связям. Здесь же не было ничего. Только ненависть. Я думал: умные люди разберутся, поймут, что это абсурд. Я пытался говорить с коллегами. Показывал им наши журналы, объяснял, что мы верим в то же, во что верят миллионы христиан по всему миру. Они слушали, кивали, а в глазах было отчуждение и страх. Будто я прокаженный. Их взгляды скользили мимо меня, они спешили закончить разговор, ссылаясь на срочные дела.

Один, самый смелый, мой старый товарищ, с которым мы не один мост сдали, отозвал в сторонку в курилке и сказал: «Старик, ты пойми, дыма без огня не бывает. Что-то там у вас нечисто. Начальство нервничает. Нам намекнули из "первого отдела". Ты бы... поосторожнее. Завязывал бы с этим». «С чем завязывал? — спросил я. — С верой в Бога? С тем, чтобы быть честным человеком?». Он потушил сигарету, посмотрел на меня с жалостью. «С тем, что мешает жить спокойно. Ты же умный мужик, пойми. У тебя дети». И ушел. Он сказал это, чтобы помочь. А получилось как приговор.

Я написал письмо в редакцию одной газеты. Подробное, на пяти страницах, с фактами, с цитатами, с ссылками на Библию. Я писал его три ночи. Я выверял каждое слово. Я апеллировал к логике, к здравому смыслу. Его, конечно, не напечатали. Вместо этого через неделю вышла новая статья, еще более грязная. Тогда я понял: это не ошибка. Это заказ. Нас назначили врагами. И приговор уже вынесен. Осталось только привести его в исполнение. Это была война, и хоть она шла не с применением пушек, а через газеты и передачи, от этого она не становилась менее смертельной.

Голос. Идеолог.

Эти организации, как раковые клетки, разъедают здоровое тело нашего общества. Они чужды нашей культуре, нашему тысячелетнему православному духу. Они отрывают людей от их корней, от семьи, от Родины. Это духовная агрессия Запада, не менее опасная, чем военная. Наша задача, задача государства и Церкви, защитить духовную безопасность страны. Если для этого нужна хирургия, значит, будет хирургия. Мы не можем позволить этой заразе распространяться. Мы должны выжечь ее каленым железом. И те, кто говорит о правах человека и свободе совести, либо наивные глупцы, либо сознательные пособники врага. Нет никакой «свободы» делать зло. Нет никакого «права» разрушать души наших граждан. Наша позиция должна быть твердой и бескомпромиссной.

Глава 3. Стена молчания

Голос. Девочка.

В школе со мной перестали разговаривать. Моя лучшая подруга Лена, с которой мы сидели за одной партой, однажды пришла и сказала: «Моя мама не разрешает мне с тобой дружить. Она сказала, что вы шпионы и едите детей». И пересела на другую парту. Она даже не посмотрела на меня. Просто взяла свой пенал, тетрадки и ушла. Я смотрела на ее спину, на ее два светлых хвостика с розовыми бантиками, и не могла понять. Как это не разрешает? Вчера же разрешала. Что изменилось? Я хотела спросить, но слова застряли в горле.

На перемене я стояла одна у окна и смотрела, как другие девочки играют в «резиночку». Их ноги мелькали так быстро, они смеялись, звонко, беззаботно. Мне тоже хотелось, но я знала, что меня не примут. Мальчишки из другого класса пробегали мимо и кричали: «Сектантка! Ведьма!». Я не понимала, что это значит. Но было очень обидно. Больно. Будто в меня кидали невидимые, но очень острые камни. Они били прямо в сердце. Я научилась делать вид, что не слышу. Я смотрела на ворону на ветке за окном и думала о своем. О том, что скоро день рождения и мама испечет яблочный пирог. Это помогало. Немножко.

Учительница по русскому языку, Марья Ивановна, которая всегда меня хвалила, стала вызывать меня к доске и задавать самые трудные вопросы. А потом ставить двойки, даже когда я знала ответ. Она смотрела на меня так, будто я сделала что-то очень плохое. Но я не знала, что.

Однажды на уроке рисования нам задали нарисовать свою семью. Я нарисовала наш дом, и маму, и папу, и брата. Мы все улыбались, и над нами сияло солнце. Марья Ивановна ходила по рядам, смотрела рисунки. Подошла ко мне, взяла мой лист. Посмотрела на него с отвращением, будто увидела таракана. Скомкала и бросила в мусорную корзину. «Рисуй Родину, а не свою секту», — сказала она так, чтобы слышал весь класс. Все засмеялись. А я смотрела на скомканное солнце и плакала. Беззвучно. Я не ненавидела ее в тот момент. Я чувствовала стыд. Мне было стыдно за мой рисунок, за мое солнце, за мою семью. Как будто это я была виновата.

Голос. Отец. Из дневника.

15 октября. Уволили. По статье. «Несоответствие занимаемой должности». После пятнадцати лет безупречной работы. Вызвал начальник, прятал глаза. Говорит, пришла бумага. Неофициально. Кто-то очень хорошо позаботился, чтобы по всем профессиональным кругам разошлась директива с ложной информацией обо мне.

Я пытался возразить, показать благодарности, грамоты. Он только махнул рукой: «Ты же понимаешь. Я ничего не могу сделать. У меня тоже семья, дети».

28 октября. Невидимая стена выросла передо мной. Я бился в нее головой, но она была сделана из страха и лжи. Денег почти не осталось. Жена устроилась мыть полы в подъездах по ночам, пока дети спят. Возвращалась под утро, пахнувшая хлоркой, ее руки были красными и опухшими от воды и химии. Я брался за любую работу: грузчиком, дворником. Но как только работодатель узнавал, кто я, меня тут же увольняли. «Нам проблемы не нужны». Моя фамилия, казалось, была в каком-то невидимом черном списке.

5 ноября. Продали обручальное кольцо жены. Она плакала, когда снимала его с пальца. «Это ничего, — говорил я, — мы потом новое купим, еще лучше». А сам понимал, что вру. И она понимала. Мы купили еды на неделю. Макароны, картошка, хлеб. Детям сказали, что играем в игру «простые блюда». Они даже радовались.

12 ноября. Сегодня ночью проснулся от резкого запаха бензина. Выглянул в окно. У стены дома кто-то возился. Я выскочил на балкон и увидел, как в сторону нашего окна летит бутылка с горящей тряпкой. «Коктейль Молотова». Я услышал звон разбивающегося стекла. Успел. Бутылка разбилась о стену ниже окна детской. Пламя лизнуло кирпич. Я сбежал вниз с огнетушителем, который всегда держал в коридоре. Мы потушили. Дети даже не проснулись. Мы с женой сидели на кухне до утра, не включая свет. Она тихо плакала. Я держал ее за руку. В тот момент я понял: они не остановятся. Они хотят нас уничтожить. Физически. Это был уже не шепот за спиной. Это была объявленная война. Война на уничтожение.

Свидетельство. Коллега отца. Анонимно.

Да, нам пришла бумага. Неофициально, конечно. По внутренней рассылке от службы безопасности. Что он связан с экстремистами, что он неблагонадежный. Начальство вызывало по одному в кабинет. Говорили: «Никаких контактов. Поняли? Иначе сами под статью пойдете как сочувствующие». Все боялись. У всех семьи, ипотеки, кредиты. Что мы могли сделать? Промолчать. Мы и промолчали. Мне стыдно до сих пор. Хороший он был мужик. И специалист от Бога. Золотые руки, светлая голова. Но система... Против нее не попрешь. Или ты с ней, или она тебя сожрет. Я оправдывал себя. Говорил себе, что у меня дети, что я не могу

рисковать. Ночью иногда просыпаюсь и думаю о нем. Он пытался бороться. А мы делали вид, что его не существует. Просто стерли его из своей жизни. Так было проще. Безопаснее. Мы все стали соучастниками. Просто по умолчанию.

Пауза.

Звук разбитого стекла. Запах гари и бензина. Тихий, сдавленный плач матери в темной комнате. Скрип половиц под шагами отца, который с топором в руках патрулирует квартиру до самого утра. За окном равнодушные звезды.

Часть 2. Вторжение

Глава 4. День рождения

Голос. Девочка.

Мне исполнялось восемь.

Восемь — это когда ты уже почти взрослая. Можно самой ходить в магазин за хлебом. Можно оставаться дома одной, если недолго. Можно самой зашнуровывать ботинки. Все можно.

Утром пахло ванилью и корицей. Мама пекла мой любимый пирог. Яблочный, с корицей и ванилью. Я сидела на кухне на маленьком стульчике и смотрела, как она взбивает крем венчиком. Ж-ж-ж-ж-ж. Звук был похож на большую, добрую пчелу. Солнечный луч лежал на полу, и в нем танцевали пылинки, как маленькие золотые искорки. Я пыталась поймать их, но они были слишком быстрые.

Мама улыбалась. Но ее глаза не улыбались. Я это видела. Ее глаза были как у нашей старой куклы, у которой потрескалась краска. Уставшие. И в уголках глаз пряталась какая-то серая тень. Когда она думала, что я не смотрю, ее улыбка исчезала, и лицо становилось напряженным.

Я подарила ей свой рисунок. Там была наша семья. Мы все держались за руки. Даже кот Мурзик. Мы стояли на зеленой траве, а над нами было огромное желтое солнце с ресничками. Мама прижала рисунок к груди и поцеловала меня в макушку. Ее губы были теплые и сухие.

«Спасибо, солнышко, — сказала она. — Это самый лучший подарок». Ее голос дрогнул. Она прикрепила рисунок кнопкой к деревянной раме двери, там, где мы мерили рост.

Я ждала гостей. Лена, моя бывшая подруга, конечно, не придет. Но папа сказал, что придут дядя Саша и тетя Ира с собрания. Они обещали принести мне фломастеры. Сто цветов! Целых сто! Я представляла, как буду рисовать радугу, и в ней будут все цвета, даже те, которых я не знаю.

Я сидела в своей комнате и рассаживала кукол за игрушечный столик. Угощала их чаем из пустого чайничка. Затем рисовала жирафа с очень длинной шеей. За окном было тихо. Слишком тихо. Даже птицы не пели. Я посмотрела на часы. Гости должны были прийти с минуты на минуту.

Вместо них пришел грохот.

Голос. Мать.

Я ставила пирог в холодильник. Он получился красивый, ровный. Сверху я посыпала его тертым шоколадом. «Восемь лет, — думала я. — Боже, уже восемь». Я смотрела на свою девочку, на ее тонкую шейку, на светлые волосы, заплетенные в косичку, и сердце сжималось от нежности и страха. За последние месяцы страх стал моим вторым дыханием. Он жил во мне постоянно. Я просыпалась с ним, засыпала с ним. Я улыбалась детям, а внутри все кричало от ужаса.

После той ночи с бутылкой с зажигательной смесью муж почти не спал. Он постарел на десять лет. Под глазами залегли темные круги, в волосах появилась седина. Мы жили как в осажденной крепости. Каждый звонок в дверь, каждый незнакомый звук заставлял вздрагивать.

Но сегодня я сказала себе: «Хватит. У дочки день рождения. Она не должна видеть мой страх. Она должна радоваться». Я заставила себя улыбаться. Я пекла пирог и пела песенку про голубой вагон. А сама молилась, и мысленно взывала к Иегове: «Господи, защити. Спаси...»

В дверь ударили. Не позвонили, не постучали. Ударили. Так, что задрожали стены и посыпалась штукатурка с потолка. Один раз. Сильно. Ногой или плечом. Вся посуда в серванте звякнула тревожно, будто живая.

Муж выскочил из комнаты. Его лицо было белым как полотно. «Не открывай», — прошептала я.

Но было поздно.

Дверь содрогнулась еще раз, и замок с треском вылетел из косяка.

Голос. Отец.

Я сидел в комнате и читал. Книга не шла в голову. Буквы прыгали перед глазами. Я слушал тишину. За последние полгода я научился ее слушать. Я различал тишину мирную и тишину зловещую. Сегодня она была зловещей. Даже кот забился под диван и не выходил.

Когда раздался удар, я все понял. Мгновенно. Это были они. Пришли. Холодная волна прошла по спине. В голове пронеслось: дети.

Я выбежал в коридор. Жена стояла посреди кухни, прижав руки ко рту. В ее глазах был такой ужас, что я сам на секунду оцепенел. «В комнату, с детьми! Быстро!» — крикнул я.

Второй удар. Дверь, наша старая, обитая дерматином дверь, которая служила нам двадцать лет, треснула. Я метнулся к ней, попытался удержать, но было поздно. С оглушительным треском она распахнулась внутрь, едва не сбив меня с ног.

На пороге стояли они. Люди в черном. В масках. С автоматами. Много. Их было так много, что они заполнили собой весь проем, всю лестничную клетку. Они были как густая, черная, безликая масса.

«Всем на пол! Лицом вниз! Работает ФСБ!» — заорал кто-то.

Я не успел ничего сделать. Меня сбили с ног, ударили чем-то тяжелым по затылку. Мир качнулся, перед глазами поплыли оранжевые круги. Я упал на пол. Чей-то тяжелый ботинок впечатал мое лицо в пыльный коврик у входа. Боль пронзила щеку. Я почувствовал во рту соленый вкус крови. Пахло пылью, кожей ботинок и их потом — резким, животным запахом.

«Где остальные?» — прорычал голос над ухом.

«На кухне... жена, дети в...» — прохрипел я.

«Двое — в детскую! Взять всех!»

Я услышал крик жены. И тонкий, испуганный плач дочки. И в этот момент я понял, что такое ад. Ад — это когда ты слышишь, как мучают твоих близких, и не можешь даже поднять головы. Ад это абсолютное бессилие. Я, инженер, строивший прочные мосты, не могу защитить свой собственный дом.

Глава 5. Шторм

Голос. Девочка.

Большой дядя в черном схватил меня. У него были очень сильные руки. И пахли они железом. Он поднял меня, как куклу. Я болтала ногами в воздухе. Я увидела папу. Он лежал на полу, на животе, а другой дядя стоял у него на спине. Папино лицо было прижато к ковру. Я увидела только его волосы. И еще я увидела кровь. Маленькую темную лужицу на коврике.

Мама кричала. Она кричала не слова, а просто звуки. А-а-а-а-а. Страшные, высокие. Она пыталась подбежать ко мне, но еще один дядя схватил ее, заломил ей руки за спину.

В квартире стало очень много людей. Они ходили везде. Они были как большие черные жуки. Они открывали шкафы, сбрасывали вещи на пол. Книги. Наши книги летели на пол. Ба-бах. Ба-бах. Они рвали их. Страницы летели, как белые птицы с подбитыми крыльями. Одна книга ударилась об пол и раскрылась. На странице была картинка Даниил во рву со львами. Львы были добрые, они лежали у его ног. Дядя в ботинке наступил прямо на лицо Даниила. Грязный след остался на картинке.

Меня и брата затащили в мою комнату и посадили на кровать. Брат плакал. Тихо-тихо. Он закрыл лицо руками. Я не плакала. Я смотрела. Я смотрела, как они переворачивают мой мир. Они сдернули со стены мой рисунок. Тот, который я утром подарила маме. Он упал на пол.

Один дядя, без маски, с усами, как у таракана, сел напротив меня на корточки.

«Как тебя зовут?» — спросил он.

Я молчала.

«Чего молчишь? Испугалась?» — он усмехнулся.

Я смотрела на пуговицу на его куртке. Она была блестящая, золотая, с орлом.

«Твои папа и мама преступники. Поняла? Они состоят в экстремистской организации. Мы их заберем. А вас отдадим в хороший детский дом. Там вас научат Родину любить».

Я не знала, что такое «экстремистская организация». Но я поняла, что они забирают маму и папу. Навсегда. Я смотрела на орла на его пуговице. У орла было две головы. Он смотрел в разные стороны и был очень злой.

Голос. Мать.

Я видела все как в замедленной съемке. Вот они бьют моего мужа. Вот они выволакивают моих плачущих детей. Вот один из них, цинично ухмыляясь, роется в моем бельеовом шкафу, вытряхивая все на пол. Чистое, сложенное стопками белье летит на грязный пол, его топчут ботинками. Свадебное платье, которое я хранила в чехле, вытащили и бросили в угол.

Я кричала. Я умоляла. «Не трогайте детей! Пожалуйста! Они ни при чем! Возьмите меня, сделайте со мной что хотите, только их оставьте!»

Тот, что держал меня, старший, видимо, с седыми висками, сказал мне на ухо, тихо и спокойно, будто объяснял рецепт: «Молчи, сектантка. Закончилось ваше время. Детей мы у тебя заберем. По закону. В целях защиты их прав от твоего деструктивного влияния. Мы их спасаем. От тебя».

Спаают. Они сказали «спаают». От меня. От матери.

Меня приковали наручниками к батарее в коридоре. Я сидела на полу и смотрела, как они крушат мой дом. Они не искали что-то. Они уничтожали. Они рвали книги, ломали мебель, топтали фотографии. Семейный альбом, где были снимки детей, когда они были совсем крошечными... Один из них поднял его, презрительно хмыкнул и швырнул в угол. Они действовали методично, со знанием дела. Как

команда ликвидаторов. Они уничтожали наш мир, наши воспоминания, нашу жизнь.

Я слышала, как в детской плачет сын. Я слышала, как следователь говорит с дочкой. А я сидела на полу, прикованная к трубе, и не могла ничего сделать. Я просто выла. Как раненый зверь. Тихо, в голос, захлебываясь слезами и бессилием.

Из протокола обыска в жилище.

...в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий по адресу [адрес скрыт] в рамках уголовного дела № [номер скрыт], возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, был произведен обыск.

В ходе обыска обнаружено и изъято:

1. Литература, включенная в Федеральный список экстремистских материалов:

- "Чему на самом деле учит Библия?" — 2 экз.

- "Сторожевая Башня" — 5 экз.

- Библия "Перевод нового мира" — 2 экз.

2. Электронные носители информации (ноутбук, планшет, жесткие диски) — 6 ед.

3. Денежные средства в размере 15 400 (пятнадцать тысяч четыреста) рублей.

4. Записные книжки с контактами — 4 шт.

В ходе обыска применялась видеофиксация. Замечаний от участвующих лиц не поступало. Понятые [фамилии скрыты] удостоверили ход и результаты обыска своими подписями.

Голос. Отец.

Они держали меня на полу минут двадцать. Потом подняли, защелкнули наручники за спиной так туго, что запястья онемели, и посадили на стул посреди разгромленной гостиной. Голова гудела. Перед глазами все плыло. Следователь, полный, лысеющий мужчина в штатском, положил передо мной на стол какие-то бумаги.

«Будешь подписывать, или поговорим по-другому?»

«Что это?» — спросил я.

«Признание. В организации и финансировании деятельности экстремистской организации».

«Я не буду это подписывать. Это ложь».

Он вздохнул. «Ну, как хочешь. У нас времени много». Он кивнул одному из омоновцев. Тот подошел сзади, надел мне на голову черный пластиковый мешок и затянул на шее. Воздух кончился сразу. Я задыхался, бился, пытался вдохнуть, но в легкие шла только липкая, вонючая темнота. Пахло полиэтиленом и безысходностью. Мир сузился до одной точки — дикого, животного желания сделать вдох. Когда я уже начал терять сознание, мешок сорвали.

Я жадно хватал ртом воздух. Он казался сладким, как мед.

«Ну что, подумал? — спросил следователь. — У нас таких мешков много. Можем ещё "ласточку" организовать. Или "звонок Дедушке". Знаешь, что такое "звонок Дедушке"? Это когда к ушам провода от полевого телефона... Очень бодрит. Помогает вспомнить всё, что нужно следствию».

«Где моя семья?» — прохрипел я.

«Твоя семья скоро будет в надежных руках. Государственных. А ты, если будешь упорствовать, сгниешь в тюрьме. Твой выбор».

Я смотрел на него и не видел человека. Я видел функцию. Винтик в огромной, безжалостной машине. И эта машина пришла, чтобы перемолоть меня, мою жену, моих детей. Превратить нас в пыль.

Глава 6. Изъятие

Голос. Девочка.

Когда они все сломали, в квартиру вошли еще люди. Двое мужчин в костюмах и одна женщина. У женщины были светлые волосы, собранные в тугой пучок, и очень

тонкие губы. Как ниточка. А глаза у нее были холодные. Как лед. Она не смотрела на меня. Она смотрела сквозь меня.

Она подошла ко мне и взяла за руку. Ее рука была сухая и холодная.

«Пойдем, — сказала она. — Вы поедете с нами».

«Куда? — спросила я. — А мама? А папа?»

«Мама и папа заняты, — сказала она тем же ледяным голосом. — Они поедут в другое место. А вы поедете в центр, где о вас позаботятся».

Я вырвала руку. «Я не поеду без мамы!»

Я побежала в коридор. Мама сидела на полу у батареи. Ее руки были скованы блестящими браслетами. Она увидела меня и потянулась ко мне. «Доченька! Мое солнышко!»

Я бросилась к ней. Я успела обнять ее за шею. Я вцепилась в нее изо всех сил. Я чувствовала, как она дрожит. Я вдыхала ее запах. Запах мамы. Ваниль, корица и еще что-то, родное, теплое.

Женщина с холодными глазами подошла к нам. «Так, прекратить истерику. Немедленно».

Она взяла меня за плечи и начала оттаскивать от мамы. Я кричала. Я цеплялась за мамину кофту, за ее волосы. Мама тоже кричала, пыталась удержать меня. Но ее руки были скованы.

«Не забирайте ее! Звери! Фашисты! Что вы делаете?!» — кричал из комнаты папа. Двое в черном держали его.

Меня оторвали от мамы. Силой. Я помню этот момент очень четко. Как мои пальцы разжимаются. Как я теряю ее тепло.

Женщина потащила меня к выходу. Я обернулась. Мама сидела на полу, ее лицо было мокрым от слез. Она протягивала ко мне руки и шептала: «Я люблю тебя... Я вас найду... Я вас обязательно найду...»

Последнее, что я увидела, это ее глаза. Полные такой боли, что, казалось, весь мир должен был остановиться от этого взгляда. Но он не остановился.

Меня и брата вывели на лестницу. Дверь в нашу квартиру захлопнулась. Отсекла маму и папу. Отсекла всю мою прошлую жизнь. На двери остался висеть мой

рисунок, приколотый кнопкой. Четыре человечка и кот держатся за руки под желтым солнцем. Только теперь он был весь в грязных следах от ботинок.

Голос. Мать.

Они забрали их.

Я видела, как мою девочку, мою крошку, тащит к выходу эта женщина в строгом костюме. Я видела ужас в глазах моего сына.

Я пыталась их удержать. Я ползла за ними по полу, насколько позволяли наручники. Я кричала. Я молила их.

Дверь захлопнулась.

И наступила тишина.

Такая оглушающая, такая абсолютная тишина, какой я никогда не слышала. Тишина, в которой не было ничего. Ни детского смеха, ни топота маленьких ножек, ни голоса мужа. Ничего. Только гул в ушах.

Я сидела на полу в разгромленной квартире. Вокруг были обрывки нашей жизни: разорванные книги, разбитая посуда, разбросанная одежда. А посреди кухни, на столе, стоял он. Праздничный пирог. С восемью свечками. Я смотрела на него, и не могла понять. Как он может здесь стоять? Такой красивый, такой целый. В этом разрушенном мире.

Я не плакала. Слезы кончились. Внутри была выжженная пустыня. Я поняла, что в тот момент, когда за моими детьми закрылась дверь, я умерла. Мое тело еще дышало, мое сердце еще билось. Но меня, меня больше не было. Был только внешний контур, оболочка, внутри которой выл ледяной ветер.

Из акта об изъятии и помещении несовершеннолетних в специализированное учреждение.

На основании постановления Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав [название района] от [дата], в связи с нахождением в социально опасном положении, обусловленном участием родителей [фамилия, имя, отчество] в деятельности запрещенной экстремистской организации "Свидетели Иеговы", и в

целях защиты жизни и здоровья несовершеннолетних, произведено немедленное изъятие детей:

1. [Имя, фамилия сына], [год рождения]
2. [Имя, фамилия дочери], [год рождения]

из семьи по адресу [адрес скрыт].

При изъятии несовершеннолетняя [имя дочери] проявляла признаки эмоциональной нестабильности (плач, крик), что свидетельствует о сильной психологической зависимости от родителей-участников деструктивного культа.

Дети направлены для временного помещения в "Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних "Надежда"" для проведения необходимой психологической и социальной реабилитации.

Специалист органа опеки и попечительства [Фамилия, И.О.]

Пауза.

Тишина. Пустая квартира. На столе праздничный пирог с восемью свечами. На полу, у самой двери, лежит скомканный детский рисунок. На нем четыре улыбающихся человечка. И солнце. Теперь оно было разорвано пополам.

Часть 3. Разлука

Глава 7. Запах хлорки

Голос. Девочка.

Машина пахла бензином и чем-то кислым. Меня и брата посадили на заднее сиденье. Женщина с холодными глазами села впереди, рядом с водителем. Она всю дорогу молчала, смотрела прямо перед собой. Я прижалась к брату. Он дрожал. Или это я дрожала. Я не понимала.

Я смотрела в окно. Мимо проплывали знакомые дома, магазины, наш парк, где мы кормили уток. Мир оставался прежним, он не заметил, что нас украли. Солнце светило так же, как утром, когда мама пекла пирог. Я закрыла глаза и попыталась вспомнить запах ванили. Но в носу стоял только этот кислый, тошнотворный запах машины.

Новый дом был огромный. Серый. С решетками на окнах первого этажа. Внутри он был еще больше. Длинные-длинные коридоры, выкрашенные до половины зеленой краской, а выше белой. Краска облупилась, и стены были похожи на больную, облезлую кожу. И запах. Этот запах я запомнила на всю жизнь. Смесь хлорки, кислой капусты из столовой и чего-то еще... казенного. Запах несчастья. Он забивался в нос, в волосы, в одежду.

Нас привели в комнату, где сидела другая женщина, очень толстая, в белом халате, который на ней не сходился. Она отобрала у нас наши курточки, наши ботинки. Все. Выдала одинаковые серые халаты и стоптанные тапочки. Халат был колючий и пах пылью.

«Имена?» — спросила она, не поднимая головы. «[Имя], а это моя сестра, [Имя]», тихо сказал брат. Она что-то чиркнула в большой тетради. «Понятно. „Сектанты“».

Меня отвели в комнату, где стояло десять железных кроватей. Спальня. На каждой серое, колючее, как солдатская шинель, одеяло и плоская, как блин, подушка. Там уже были другие девочки. Они посмотрели на меня. Не как на человека. А как на вещь. Или как на зверька, которого принесли в клетку. С любопытством и злобой. Одна, с коротко стриженными волосами и царапиной на щеке, презрительно хмыкнула.

Я села на краешек кровати, которую мне указали. Я хотела плакать, но слез не было. Внутри все замерзло. Стало твердым, как камень. Я ждала. Я думала, что это ошибка. Что сейчас откроется дверь, войдет мама, возьмет меня за руку и скажет: «Пойдем домой, солнышко. Это все страшный сон». Дверь не открывалась. А мама не приходила. Ночью я слышала, как плачут другие дети. Тихо, в подушку. Слышала скрип пружин кроватей, чей-то кашель, сухой и надрывный. А еще я слышала, как по коридору ходят ночные нянечки. Их шаги, шаркающие, тяжелые. И звук ключа в замке. Каждый вечер нашу спальню запирали снаружи. Щелк. Этот звук означал, что мы в ловушке.

Я лежала с открытыми глазами и смотрела в темноту. Я повторяла про себя наши имена: мама, папа, брат, я. Я боялась, что если усну, то забуду их. Забуду, кто я.

Голос. Мать. Из дневника, который она вела на обрывках бумаги в камере предварительного заключения.

День первый. Я не знаю, какой сегодня день. Они отняли все. Часы. Крестик. Шнурки из ботинок. И детей. Боже, они отняли моих детей. Где они? Они вместе? Им страшно? Дочка, наверное, плачет. Она боится темноты. А сын... он хоть и старше, он такой ранимый. Он, наверное, делает вид, что сильный, чтобы успокоить сестру. А сам...

В камере со мной еще три женщины. Одна за наркотики, другая за кражу, третья не знаю. Они смотрят на меня с любопытством. «Ты за что, политическая?» — спросила одна, с татуировкой паука на шее. Я не знала, что ответить. Я за то, что читала Библию? За то, что пекла детям пироги? Я промолчала. В камере пахнет немытыми телами, табачным дымом, хлоркой и отчаянием.

Следователь. Молодой, лет тридцать. С пустыми, бесцветными глазами. Он не кричит. Он говорит тихо, монотонно. Это страшнее крика. «Признайтесь в финансировании экстремистской деятельности, и, может быть, мы подумаем над смягчением наказания. И, возможно, вам разрешат свидания с детьми. Если будете упорствовать, потеряете их навсегда. Их усыновит хорошая, правильная семья. А вы сгниете здесь. Выбор за вами, гражданка [Фамилия]».

Он говорит слово «дети» так, будто это товар на рынке. Шантаж. Самый страшный шантаж в мире. Он бьет в единственное место, которое у меня еще болит. В сердце, где живут мои дети.

Вечером дали баланду. Мутная жижа с плавающим листом капусты. Я не смогла есть. В горле стоял ком. Я смотрела в зарешеченное окно на крошечный кусочек серого неба и шептала их имена. [Имя сына]. [Имя дочери]. Я шептала, чтобы не сойти с ума. Чтобы помнить, что я еще мать.

День пятый. Адвокат приходил. Говорит, муж держится. Его пытаются. Не бьют, нет. Изощреннее. Не дают спать, включают громкую музыку. Рассказывают, что бывает с детьми в приютах. Уроды. Господи, прости меня. Адвокат подал запрос в опеку. О

местонахождении детей. Ответа нет. Я спросила, могу ли я передать им хоть что-то. Записку. Игрушку. Он покачал головой. Не положено. Стена.

Голос. Отец. Из камеры СИЗО.

Меня поместили в «пресс-хату». Я это сразу понял. Со мной трое. Уголовники. Они не трогали меня. Они просто разговаривали. Вечерами. Когда затихает тюрьма. Они рассказывали истории. Про детские дома. Про приюты. Про то, что там происходит. Без эмоций. Как о работе. О том, как ломают детей. Как старшие издеваются над младшими. Как воспитатели смотрят на это сквозь пальцы, а иногда и поощряют. Они описывали это в таких деталях, что у меня темнело в глазах. Один из них, с мертвыми глазами, сказал: «Там выживает сильнейший. Или самый подлый. А такие, как твои... домашние, тепличные... их съедают первыми. Они там — корм».

Я сидел на нарах, сцепив руки, и слушал. Я понимал, что это часть пытки. Что следователь велел им это делать. Это было хуже, чем мешок на голове. Хуже, чем боль. Они били не по телу. Они били по душе. Они заставляли меня представлять, что сейчас происходит с моими детьми. И я не мог ничего сделать. Я, который учил сына быть сильным, а дочь доброй. Я сидел здесь, в четырех стенах, а моих детей в это время, возможно, пожирала волки. И я выл. Беззвучно. Внутри себя.

Из протокола допроса Отца.

Следователь: Вы обсуждали Библию с другими верующими в период после запрета вашей организации Верховным судом?

Отец: Я исповедовал свою веру в Бога Иегову. Это мое конституционное право.

Следователь: Я не спрашиваю о вашей вере. Я спрашиваю, организовывали ли вы совместные встречи для изучения религиозной литературы, признанной экстремистской?

Отец: Мы встречались с друзьями. Мы молились вместе.

Следователь: Тем самым вы продолжали деятельность запрещенной экстремистской организации. Вы это признаете?

Отец: Я признаю, что люблю Бога и своих ближних.

Следователь: Ваш отказ от сотрудничества со следствием будет расценен как отягчающее обстоятельство. Где находятся ваши дети?

Отец: Вы их у меня отняли. Вы мне скажите, где они!

Следователь: Следствие не располагает данной информацией. Этот вопрос находится в компетенции органов опеки и попечительства. Вернемся к нашим вопросам. Кто осуществлял финансирование вашей ячейки?

Глава 8. Стена

Голос. Адвокат.

Система непробиваема. Это бетонная стена высотой в десять метров, без единой щели. Я подаю запросы. В прокуратуру, в Следственный комитет, в опеку. Официальные, на бланках, с входящими номерами. «Прошу предоставить информацию о местонахождении и состоянии здоровья несовершеннолетних [Имя и фамилия]».

И в ответ либо молчание, либо отписки. Канцелярские шедевры, издевательские по своей сути. «Нецелесообразно». «В интересах несовершеннолетних». «Информация составляет тайну». Какую тайну? Детей отобрали у родителей, которые находятся под следствием, их права еще не ограничены судом. Но дети уже исчезли. Их просто стерли из системы.

Я пытался поговорить с инспектором из опеки. Та самая женщина, что их забирала. Нашел ее. Она посмотрела на меня как на пустое место. «У меня таких, как вы, по десять человек в день. Дети в безопасности. Им оказывается вся необходимая помощь. Больше я вам ничего сказать не могу. До свидания». Безопасность. Какая безопасность? Я видел материалы дела, видел фотографии из квартиры после обыска. Это был не обыск, это был погром. И после этого они говорят о «социально опасной среде»? Да самой опасной средой в тот день были они сами. Я чувствую себя так, будто пытаюсь пробить лбом стену, а за ней смеются.

Я прихожу к ним в СИЗО. К нему. К ней. Они смотрят на меня с одной и той же немой мольбой в глазах. «Что с детьми?». И я вынужден опускать глаза. Я, который должен их защищать, не могу ответить на самый главный вопрос. Я приношу им передачи, рассказываю о ходе дела, о том, что мы будем подавать апелляции, жалобы. А вижу, что им все это неважно. Важно только одно. Где их дети. Я выхожу из СИЗО и чувствую себя соучастником. Соучастником этой пытки неизвестностью.

Документ. Официальный ответ от органов опеки и попечительства N-ского района на запрос адвоката.

Уважаемый [Имя, отчество адвоката]!

На ваше обращение от [дата] за № [номер] о предоставлении сведений о местонахождении несовершеннолетних [Фамилия, имя сына] и [Фамилия, имя дочери], сообщаем следующее.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», органы опеки и попечительства обязаны обеспечивать защиту прав и законных интересов несовершеннолетних.

Предоставление информации о месте пребывания детей их родителям, [Фамилия, И.О. отца] и [Фамилия, И.О. матери], в отношении которых возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, на данном этапе представляется нецелесообразным, так как может нанести вред процессу социально-психологической реабилитации детей и нарушить их право на защиту от всех форм физического и психологического насилия, включая деструктивное религиозное влияние.

Несовершеннолетние помещены в государственное учреждение, где им обеспечены надлежащие уход и содержание.

Исполнитель _____ / [Фамилия, И.О.]

Голос. Девочка.

Нас заставляли есть. Все. Даже если не хочешь. Даже если тошнит. На завтрак давали склизкую серую кашу. Она прилипала к нёбу. Я не могла ее есть. Тогда воспитательница, тетя Люба, подходила ко мне, зажимала нос и вливала эту кашу

мне в рот. Я давилась, кашляла, но она не отпускала, пока тарелка не становилась пустой. «Жрать! — кричала она. — Неблагодарные твари! Вас государство кормит, а вы морды воротите!».

Нас называли «бесятами» или «сектантами». Это были наши вторые имена. Если кто-то из детей плакал, тетя Люба говорила: «О, бес сектантский заговорил. Сейчас мы его изгонять будем». Она брала полотенце, скручивала его в жгут и била по ногам. Не очень больно, но очень унижительно.

Я перестала разговаривать. Совсем. Зачем говорить, если тебя не слышат? Или слышат только то, что хотят. Я общалась с братом знаками. Когда никто не видел. Кивок, взгляд, легкое пожатие руки. Это был наш тайный язык. Наш маленький островок в этом океане ненависти.

Однажды за обедом был суп со свининой. Мы с братом не едим свинину. Папа нам объяснял, почему. Мы отказались. Тетя Люба поставила нас в угол. На колени. На горох. Мы стояли весь день, до самого ужина. Ноги онемели, колени горели огнем. Маленькие твердые шарики впивались в кожу. Другие дети проходили мимо, хихикали. Вечером тетя Люба подошла и спросила: «Ну что, бесенята, одумались? Будете жрать, что дают?». Брат молчал. А я сказала: «Нет». Тогда она ударила меня по лицу. Первый раз в жизни меня ударили по лицу. Было не больно. Было удивительно. Я потрогала щеку. Она горела. В тот момент я поняла, что мир взрослых — это мир, где бьют по лицу за то, что ты не хочешь есть суп.

Голос. Воспитательница. Тетя Люба.

А что с ними делать? Вы думаете, мне их жалко? Ни капли. Это же выродки, не дети. Промыли им мозги с пеленок. Они же как роботы, твердят свое: «Иегова то, Иегова сё». Я им про Христа, про Родину, про подвиг дедов, а они смотрят стеклянными глазами и молчат. Упрямые, как черти. Мне методичку дали, там все написано. «Депрограммирование». «Нейтрализация влияния секты». Я человек простой, исполнительный. Я старой закалки, советской. Нас учили, что с врагами народа не церемонятся. А это вражеские дети. Их надо переделывать.

К нам их привезли, сказали полная реабилитация. Из них людей делать надо. А как из них людей сделаешь, если они даже не плачут по-человечески? Молча, уставятся в одну точку. Их надо ломать. Через колено. Чтобы вся дурь сектантская вышла.

Жестко, да. А как иначе? Для их же блага. Чтобы выросли нормальными гражданами, а не американскими шпионами. Я свою работу знаю. Я еще не из таких людей делала.ломаются. Все ломаются. Это как с дикими жеребятами. Сначала брыкаются, а потом ходят в упряжке как шелковые.

Глава 9. Изгнание бесов

Голос. Девочка.

Раз в неделю приходил он. Человек в черной длинной одежде. Все его называли «батюшка». От него пахло чем-то сладким и душным. Ладаном. И еще нечищеными зубами. Он собирал нас всех в игровой комнате. Мы должны были сидеть на маленьких стульчиках и слушать. Он говорил про ад, про чертей с вилами, про то, что наши мама и папа слуги дьявола и уже горят в огненном озере. Говорил, что и мы будем там гореть, если не покаемся и не примем «веру истинную».

А потом он стал вызывать по одному. К себе в кабинет. Кабинетом была маленькая каморка, где хранились старые матрасы. Там пахло пылью и мышами.

Когда меня вызвали в первый раз, я испугалась. Он посадил меня на стул, а сам сел напротив, очень близко. И начал смотреть. Долго-долго. Мне стало не по себе. Потом он сказал: «В тебе сидит бес. Бес гордыни и сектантства. Его надо изгнать».

Он положил мне на голову свою тяжелую, потную руку. И начал читать молитву. Быстро-быстро, бормоча непонятные слова. Его рука давила на голову все сильнее. Потом другая его рука легла мне на колени. И стала ползти вверх, под халат. Я замерла. Мне было восемь лет. Я не понимала, что происходит. Но я чувствовала, что это что-то очень плохое, грязное, страшное. Его пальцы были шершавые и холодные.

«Не бойся, дитя, — прошептал он мне в самое ухо. Его дыхание было горячим и пахло луком. — Это не я. Это благодать божия через меня действует. Мы изгоняем твоего демона».

Было больно. Очень. Я закрыла глаза и смотрела на темноту за веками. В этой темноте я пыталась нарисовать мамино лицо. Ее улыбку. Я представляла, что я не здесь. Что я сижу у нее на коленях, и она читает мне сказку про Герду и Кая. Я

улетала из этой пыльной каморки. Я становилась легкой, как пылинка в солнечном луче, который я видела утром в своей комнате. Я была пылинкой. А у пылинки нет тела. Ей не может быть больно. Я научилась улетать. Это было мое спасение.

Когда все заканчивалось, он говорил: «Иди, дитя, и больше не греши». Я выходила из каморки на ватных ногах. Я шла по длинному коридору и смотрела на свои тапочки. Правый, левый. Правый, левый. Главное не упасть. Я чувствовала себя грязной. Будто меня вывалили в чем-то липком и вонючем. Я хотела содрать с себя кожу.

Брата тоже уводили на такие «беседы». После них он долго молчал и смотрел в стену. Его глаза становились такими же, как у старой треснувшей куклы в углу игровой. Пустыми. Однажды я спросила его, что там происходит. Он посмотрел на меня и сказал: «Ничего. Просто разговариваем». Но я видела, что он врет. Я видела в его глазах тот же страх и ту же грязь, что поселилась во мне. После одной такой «беседы» я увидела, что он плачет в туалете. Беззвучно. Его плечи тряслись. Я подошла и обняла его. Он вздрогнул, будто от удара. А потом прижал меня к себе так сильно, что стало трудно дышать. Мы стояли так, наверное, целую вечность. Двое детей в одинаковых серых халатах, в вонючем приютском туалете, пытаюсь спасти друг друга от мира, который решил их уничтожить.

Голос. Мать. Письмо дочери, написанное на клочке серой бумаги и спрятанное под матрас.

Солнышко мое, доченька. Звездочка моя ясная. Ты помнишь сказку, которую я тебе рассказывала про маленькую принцессу, которую злая колдунья заперла в башне из черного камня? Помнишь, принцесса очень боялась и плакала. А потом она вспомнила, что у нее в кармашке есть волшебное стеклышко, которое подарила ей мама. Если посмотреть через это стеклышко, то все плохое исчезает, и видишь только хорошее. И принцесса достала стеклышко. Она посмотрела на серые стены башни, и они стали радужными. Она посмотрела на решетку на окне, и та превратилась в узор из цветов. Она посмотрела на паука в углу, и он стал похож на маленького смешного старичка.

Родная моя, я знаю, что тебе сейчас очень страшно. Но у тебя тоже есть такое стеклышко. Оно у тебя в сердце. Это наша любовь. Когда тебе будет плохо, посмотри через него. Вспомни наш дом. Вспомни, как мы смеялись. Вспомни, как папа

подбрасывал тебя до самого потолка. Вспомни, как мы пекли пирог и ты вся перепачкалась в муке. Вспомни, как Мурзик спал у тебя в ногах. Это все правда. Этого никто не может отнять. Я люблю тебя. Больше жизни. Больше всего на свете. Я найду тебя. Слышишь? Я обязательно тебя найду. Я переверну весь мир, но я тебя найду. Ты только жди. И смотри через наше волшебное стеклышко.

Твоя мама.

Глава 10. Суд

Из протокола судебного заседания по делу об ограничении родительских прав.

Голос. Прокурор. Металлический, бесстрастный.

— ...Таким образом, граждане [Фамилия родителей], являясь адептами запрещенной в Российской Федерации экстремистской организации «Свидетели Иеговы», систематически вовлекали своих несовершеннолетних детей в ее деятельность. Они навязывали им антисоциальные и антигосударственные установки, формировали неприятие традиционных культурных и духовных ценностей российского общества, утверждали об исключительности своей веры, что является признаком возбуждения религиозной розни. Пребывание детей в такой семье представляет прямую угрозу их нормальному психическому, духовному и нравственному развитию. Прошу суд удовлетворить иск органов опеки и попечительства и лишить граждан [Фамилия родителей] родительских прав...

Голос. Психолог из реабилитационного центра. Визгливый, самоуверенный.

— ...При поступлении в центр дети находились в состоянии глубокого психологического стресса, вызванного не столько изъятием из семьи, сколько многолетним пребыванием в деструктивной секте. Наблюдается сильная эмоциональная привязанность к родителям, что является признаком патологической созависимости, сформированной в условиях тоталитарного контроля. Девочка, [Имя], проявляет замкнутость, отказывается от участия в коллективных играх и православных праздниках, что свидетельствует о внедренной установке на отчуждение от общества. На попытки наладить контакт

реагирует агрессией или уходом в себя. Мальчик, [Имя], демонстрирует скрытность и недоверие к взрослым. На основании проведенной диагностики можно сделать вывод о необходимости полной и долговременной изоляции детей от родителей для успешной социально-психологической реабилитации...

Голос. Отец. Усталый, сорванный.

- Ваша честь... Что вы слушаете? Какая «патологическая зависимость»? Это называется «любовь». Дети любят своих родителей. Это нормально! Они скучают по дому, это тоже нормально! Вы отняли у них все — дом, родителей, игрушки, привычную жизнь. И вы удивляетесь, что они в стрессе? Вы называете нашу семью «деструктивной сектой». А я называю деструктивной сектой вашу систему, где детей бьют, унижают и насилуют под видом «реабилитации»! Где священники...

Голос. Судья. Раздраженно, стуча молотком.

- Подсудимый, я лишаю вас слова! Ваши голословные обвинения в адрес государственных учреждений к делу не относятся! Суд удаляется для вынесения решения.

Документ. Из заключения комплексной психолого-педагогической экспертизы.

...На рисунке «Моя семья» ребенок [Имя дочери] изображает всех членов семьи держащимися за руки, что указывает на некритичное, слитное восприятие семейной системы, характерное для культового мышления («мы против всего мира»). Отсутствие на рисунке атрибутов государственной символики, или элементов, отражающих общепринятые культурные традиции (например, православный храм, национальный пейзаж), может свидетельствовать о сформированной родителями установке на отчуждение от социума и государства.

Ребенок демонстрирует нежелание обсуждать темы, связанные с религией, что может быть интерпретировано как результат внушенного запрета на критическое осмысление культового учения. Отказ от определенных видов пищи является проявлением ритуализированного поведения, навязанного в рамках деструктивной идеологии.

ВЫВОД: Дальнейшее пребывание несовершеннолетних [Имя сына] и [Имя дочери] в семье сопряжено с риском для их психического здоровья и полноценного развития. Рекомендуется применение крайней меры государственного вмешательства лишение родительских прав с последующей передачей детей под опеку государства для проведения комплекса реабилитационных мероприятий.

Глава 11. Последняя надежда

Голос. Девочка.

Однажды утром за нами снова приехали. Не тетя Люба, не батюшка. Другие люди. Женщина с добрыми, как мне показалось, глазами и мужчина в костюме. Женщина сказала: «Собирайтесь, детки. Вы поедете в новый дом. В семью».

Я сначала не поверила. В семью? Значит, к маме и папе? Сердце запрыгало, как пойманная птичка. Я посмотрела на брата, его глаза тоже блеснули. Впервые за много недель я увидела в них жизнь.

Нас опять посадили в машину. Мы ехали долго. За окном мелькали незнакомые улицы. Я прижималась к окну, высматривала маму. Я думала, может быть, они ждут нас где-то за углом.

Машина остановилась на какой-то площади. Женщина с добрыми глазами вышла, открыла нашу дверь. Сказала брату: «Выходи». Он вышел. Я хотела выйти за ним, но она удержала меня за плечо. «Ты пока посиди здесь».

К брату подошел другой мужчина. Взял его за руку и повел к другой машине, черной, которая стояла на той стороне площади. Брат обернулся. Он посмотрел на меня. В его глазах был вопрос и ужас. Он что-то понял раньше меня. Он закричал: «[Мое имя]!».

Я бросилась к двери. Я билась в стекло кулаками, царапала его ногтями. «Откройте! Пустите! Это мой брат! Куда вы его?!».

Водитель схватил меня, втащил обратно на сиденье. Дверь захлопнулась. Машина тронулась. Я смотрела в заднее стекло. Я видела, как брат пытается вырваться. Как

черный автомобиль увозит его. Как он становится все меньше, меньше, превращается в точку. И исчезает.

В тот миг во мне что-то умерло. Самое главное. Надежда.

Я больше не плакала. Я не кричала. Я просто сидела и смотрела в одну точку. Женщина с добрыми глазами пыталась что-то говорить, гладила меня по голове. «Тише, девочка, так будет лучше. У него будет своя семья, и у тебя своя. Хорошая семья, не сектантская». Я не слышала ее. И не чувствовала ее руки. Между мной и миром выросло толстое, ледяное стекло.

Голос. Мать. Из дневника.

День сто двадцать восьмой. Адвокат принес решение суда. Лишение родительских прав. Окончательное. Вступило в силу. Он долго подбирал слова. Говорил что-то про кассацию, про ЕСПЧ. Я его не слушала. Я смотрела на печать. Круглая, фиолетовая печать. Она перечеркнула мою жизнь.

Ли-ше-ни-е.

Это слово не имеет смысла. Как можно лишить того, что составляет твою суть? Как можно лишить сердце способности биться, а легкие дышать?

Они написали на бумаге, что я им больше не мать. Что мой муж им больше не отец. Что их у нас нет. Они сделали нас призраками. Людьми, у которых украли их прошлое и их будущее. У которых отняли самое дорогое — право называться родителями.

Нас просто нет.

Вечером сокамерница пыталась меня утешить. Говорила: «Держись. Время лечит». Какое время? Мое время остановилось в тот день, когда за ними захлопнулась дверь. Все, что было после это не жизнь. Это безвременье. Пустота.

Ночью мне приснилась дочка. Она стояла на другом берегу черной, быстрой реки и протягивала ко мне руки. А я не могла сделать ни шага. Ноги вросли в землю. «Мама!» — кричала она. А река несла ее все дальше и дальше. Я проснулась от собственного крика.

Теперь я знаю, что такое ад. Ад — это не огонь и не черти. Ад — это память.

Пауза.

Тишина. Камера СИЗО. В щель под дверь пробивается тусклый свет из коридора. На полу лежит женщина и беззвучно смотрит в потолок. В ее глазах не отражается ничего.

Часть 4. Антикультовая сеть: Механизмы подавления

Архивная запись. Голос мужчины, спокойный, лекторский, с легкой хрипотцой. Предположительно, из закрытого семинара для сотрудников силовых структур.

«...поймите главное: объект нашей работы — это не человек. Это носитель вируса. Идеологического вируса. Вы же не будете вести переговоры с клеткой гриппа? Вы не будете убеждать раковую опухоль в ее неправоте. Вы ее локализуете и уничтожаете. Наша задача создать условия, при которых вирус не сможет размножаться. Это значит изоляция носителя, стерилизация среды и, при необходимости, устранение пораженного материала. Терминология важна. Они не „верующие“, они „адепты“. Не „семья“, а „ячейка“. Не „ребенок“, а „объект вовлечения“. Такая дегуманизация не жестокость. Это профессиональная гигиена. Она защищает вас от сомнений и ненужной эмпатии, которые мешают выполнять задачу...»

То, что случилось с семьей, чей рассказ составил предыдущие главы этой книги, не было случайностью. Это не было эксцессом исполнителя, не было трагической ошибкой. Это был закономерный, отлаженный результат работы безжалостного механизма. Механизма, у которого есть имя, архитекторы, инженеры и тысячи безымянных исполнителей. Этот механизм — российская антикультовая сеть.

Чтобы понять, как день рождения восьмилетней девочки мог закончиться штурмом ФСБ, пытками и продажей в рабство, необходимо разобрать эту машину

на винтики, изучить и понять логику ее создателей. Логике, в которой нет места человеку.

Глава 12. Архитекторы ненависти

У любого механизма есть конструктор. У механизма по производству ненависти в России есть имя, ставшее нарицательным, — **Александр Дворкин**. Именно он, согласно многочисленным исследованиям, является центральной фигурой, «крестным отцом» российского антикультизма. Родившийся в 1955 году в СССР, Дворкин эмигрировал в США в 1977 году, где получил богословское образование и степень PhD по истории. Там же он получил американское гражданство и впервые столкнулся с западным антикультовым движением. В начале 1990-х он вернулся в Россию, привезя с собой и адаптировав для российской почвы агрессивные антикультовые методики, замешав их на густом растворе православного фундаментализма. Его наставником был датский пастор Йоханнес Огорд, один из пионеров европейского антикультизма, и Дворкин умело перенес его идеи на российскую почву.

Голос. Религиовед, кандидат исторических наук.

«Дворкин — это феномен. Он сумел создать псевдонаuku, „сектоведение“, и сделать ее идеологическим оружием. Академическое религиоведение не признает ни его терминологии, ни его методов. Такие понятия, как „тоталитарная секта“ или „деструктивный культ“, — это не научные категории, а идеологические ярлыки, созданные для стигматизации. Они нужны не для того, чтобы что-то объяснить, а для того, чтобы обвинить.

Когда вы называете группу „тоталитарной сектой“, вы выводите ее за рамки правового и этического поля. Вы заранее объявляете ее преступной, не требуя доказательств. Все, что делают члены этой группы, автоматически становится подозрительным. Совместное чтение Библии — это „промывка мозгов“. Пожертвования — „финансовая эксплуатация“. Крепкая община — „тоталитарный контроль“. Любовь детей к родителям, как мы видим из заключения по делу наших героев, превращается в „патологическую созависимость“. Возьмите термин

„контроль сознания“. В интерпретации Дворкина, это любая форма религиозного воспитания. Родитель учит ребенка молиться — контроль сознания. Община предлагает эмоциональную поддержку — „бомбардировка любовью“, тоже метод контроля сознания. Любая нормальная человеческая или религиозная практика патологизируется, превращается в состав преступления. Это невероятно эффективный инструмент для манипуляции общественным сознанием и, что самое страшное, судами».

Дворкин создал разветвленную сеть РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект). Данная организация, называющая себя светской, фактически объединяет почти все миссионерские центры епархий и аффилированные с ними структуры. Ее флагманом стал Центр священномученика Ириния Лионского. Эта сеть, получавшая, по данным независимых журналистов, государственные гранты, раскинула свои щупальца по всей стране. Ее сотрудники стали главными «экспертами» для СМИ, правоохранительных органов и судов. Их задача не исследовать, а обличать.

Голос. Правозащитник.

«Мы много лет били в набат. Мы показывали, что так называемые "экспертизы" Дворкина и его последователей, вроде Александра Новопашина или Романа Силантьева с его абсурдной "деструктологией", — это не наука, а донос в наукообразной упаковке. В 2023 году даже Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте РФ был вынужден официально признать, что "деструктология не является наукой". Но было поздно. Машина была уже запущена и работала на полных оборотах. На основании мнений этих "экспертиз" (как на базе деструктологии, так и сектоведения) были запрещены десятки организаций, сотни книг, включая разные переводы Библии. Люди были брошены в тюрьмы. Судьи, не желая вникать в суть, просто переписывали выводы этих "экспертов" в свои приговоры. Это был конвейер».

Глава 13. Четыре этапа к уничтожению

Трагедия семьи, описанная в этой книге, разворачивалась по четкому, стандартному алгоритму, который можно разложить на четыре последовательных этапа. Это конвейер, где на входе обычный человек, а на выходе «экстремист», лишенный прав, имущества и детей.

Этап 1. Информационная артподготовка: создание образа врага

Все начинается со слова. Прежде чем вломиться в дом к человеку, нужно вломиться в головы его соседей, коллег и всего общества.

Голос. Медиа-аналитик.

«Кампания против "Свидетелей Иеговы" и других религиозных меньшинств классический пример информационной войны. Сначала идет "ковровая бомбардировка" в федеральных и региональных СМИ появляются десятки однотипных сюжетов и статей. Источники либо анонимные "бывшие члены", либо "эксперты" из сети РАЦИРС. Используются эмоционально заряженные слова: "зомбирование", „рабство“, "жертвы", "дети в опасности". Это не информация, это инструкция к действию для общества.

Затем персонализация угрозы. Публикуются адреса Залов Царства, а иногда, как в случае с семьей героев, личные данные, фотографии, места работы. Это превращает абстрактную „секту“ в конкретного соседа, коллегу. Заголовок "СЕКТАНТЫ ВЕРБУЮТ МОЛОДЕЖЬ" и вот уже учительница в школе видит в ребенке не ученицу, а объект вербовки, а в ее рисунке семьи не любовь, а пропаганду „секты“. Заголовок "АГЕНТЫ ЗАПАДА" и вот уже начальник на работе видит в отце-инженере не ценного специалиста, а шпиона, и увольняет его. Цель разрушить социальные связи, создать вокруг объекта атмосферу страха и отчуждения. Человек оказывается в вакууме. Он уже осужден общественным мнением еще до всякого суда. Когда к нему придут с обыском, никто из соседей не удивится и не заступится. Все скажут: "Ну наконец-то. Мы же по телевизору видели, кто они такие"».

Именно так были созданы условия для травли детей в школе, для увольнения отца с работы, для ночного нападения с «коктейлем Молотова». Общество было готово. Ему показали врага, и оно согласилось с тем, что врага нужно уничтожить.

Этап 2. Юридическое обоснование: «Экспертиза» как донос

Когда общественное мнение подготовлено, в дело вступают юристы и «эксперты». Их задача перевести язык ненависти на язык Уголовного кодекса. Ключевым моментом стало решение Верховного суда РФ от 20 апреля 2017 года, признавшее «Свидетелей Иеговы» экстремистской организацией. Это решение, основанное на тех самых предвзятых экспертизах и ужесточении антиэкстремистского законодательства в рамках «пакета Яровой», развязало руки силовикам.

Голос. Адвокат, специалист по делам об «экстремизме».

«Это юридический нонсенс. Людей судят не за действия, а за убеждения. Совместное чтение Библии стало "продолжением деятельности экстремистской организации". И главным доказательством в суде становится "комплексная психолого-лингвистическая экспертиза". Следователь ставит перед "экспертом" из центра Дворкина вопросы: "Содержит ли данная литература утверждения об исключительности своей веры?", "Формирует ли данное учение негативное отношение к другим религиям?".

Любая религия утверждает свою исключительность, это ее суть. Любая критика других вероучений с богословских позиций может быть истолкована как "формирование негативного отношения". На основании ответов "да, содержит" и "да, формирует" пишется обвинительное заключение. Посмотрите на экспертизу рисунка девочки из материалов этого дела. Я перечитывал ее десятки раз. „Отсутствие на рисунке атрибутов государственной символики... может свидетельствовать о сформированной родителями установке на отчуждение от социума". Это же абсурд, это инквизиция XXI века! По этой логике, 99% детских рисунков в стране свидетельствуют об экстремизме. Но это работает. Судья, не обремененный знаниями в психологии детского рисунка, видит перед собой документ с печатями, подписанный "экспертом", и переписывает этот бред в решение о лишении родительских прав. Это ложится в основу реальных приговоров и реальных сроков».

Этап 3. Силовая фаза: штурм и пытки

Когда есть «заключение эксперта» и возбужденное дело, на сцену выходят люди в масках и с автоматами. Обыски у «экстремистов» намеренно проводятся с максимальной жестокостью.

Голос. Бывший сотрудник спецподразделения. Анонимно.

«Нам давали установку: это опасные фанатики. Могут оказать сопротивление, взять детей в заложники. Поэтому действовать нужно жестко, на упреждение. Дверь выбивать, всех на пол, максимальное психологическое давление. Чтобы сломить волю сразу. Никто не разбирался, кто там — старики, женщины, дети. Приказ есть приказ. Мы были уверены, что делаем правое дело, что спасаем Россию от врагов. Обыск у этой семьи? Я на таких был десятки раз. Это стандарт. Погром — это часть тактики. Уничтожение личных вещей, фотографий, книг это не случайность, это способ показать: „Ваш мир разрушен, вы ничто“.

Про пытки... Это называется „активные методы дознания“. Мешок на голову, „ласточка“, ток от полевого телефона — стандартный набор. Задача получить признательные показания. Любой ценой. Нам говорили, что они не обычные преступники, с ними нельзя по-человечески. Они враги. А с врагами разговор короткий. Сомнения? Бывали. Иногда смотришь на этого „террориста“ обычный мужик, трясется от страха, про жену и детей бормочет. Но ты гонишь эти мысли. Профессиональная гигиена, как нас учили».

Сцена штурма квартиры — это стандартная процедура, методично применяемая по всей стране. Цель не найти доказательства (их уже „нарисовал“ эксперт), а сломать, унижить, растоптать человеческое достоинство.

Этап 4. Финальный удар: изъятие детей как инструмент шантажа

И вот мы подходим к самому страшному элементу этого конвейера. Тому, что превращает репрессии в абсолютное зло.

Голос. Семейный психолог, эксперт по детской травме.

«Изъятие детей из семьи — это самое страшное, что можно сделать с родителями и с ребенком. Власти, действуя по указке антикультистов, переворачивают все с ног на голову. Они называют это „защитой прав несовершеннолетних“ и „спасением от деструктивного влияния“. Но на деле это чудовищное насилие.

Травма от насильственного разрыва с родителями одна из самых глубоких, какие может пережить ребенок. Она разрушает базовое чувство безопасности, подрывает доверие к миру. Ребенок чувствует, что его предали самые близкие люди, не сумев защитить. То, что произошло с девочкой и ее братом в приюте, — это закономерное следствие. Когда детей клеймят как „сектантских выроdkов“, они становятся легкой добычей для садистов и насильников всех мастей. Система, которая якобы „спасала“ их, на самом деле отдала их на растерзание. Изнасилование под видом „изгнания бесов“ — это не случайность, а логическое завершение процесса дегуманизации, начатого Дворкиным и его идеологами.

А для родителей это превращается в самый жестокий инструмент шантажа. Следователь говорит: „Подпиши признание, может, увидишь детей“. Они бьют в единственную точку, которая еще болит. Они превращают детей в заложников».

Акт об изъятии детей, цитируемый в предыдущей части, с его формулировками о «социально опасном положении» и «психологической зависимости», — это апофеоз этого системного лицемерия.

Глава 14. Голоса из бездны

Масштаб трагедии огромен. История семьи, рассказанная здесь, не единственная. За сухими цифрами статистики тысячи решений о лишении родительских прав, более 800 Свидетелей Иеговы, прошедших через уголовное преследование, сломанные жизни. Голоса этих людей сливаются в один протяжный, многоголосый крик.

Новый голос. Женщина. Сдавленно, будто боится, что ее услышат.

«Они пришли в шесть утра. Сыну было десять. Его сдернули с кровати, бросили на пол. Я кричала, просила не трогать его. Один из них, в маске, пнул его берцем в бок. „Заткнись, сектантская подстилка“. Нас с мужем увезли. Сына в приют. Мы не видели его полтора года. Когда мужу дали срок, а меня выпустили под подписку, я нашла его. Это был не мой мальчик. Это был маленький, испуганный, затравленный зверек с мертвыми глазами. Он не разговаривал. Совсем. Просто

молчал и смотрел в стену. По ночам кричал во сне. Он рассказал мне... не сразу... через полгода... Что в приюте старшие мальчишки... под руководством воспитателя... они... Я не могу это говорить. Они убили моего сына. Его тело еще здесь, но его души больше нет. Они сожгли ее. За то, что мы читали Библию».

Новый голос. Предприниматель. Говорит быстро, нервно.

«У меня был небольшой строительный бизнес. Дела шли хорошо. И я был Свидетелем. Ко мне пришли конкуренты. „Продай бизнес за копейки, или будут проблемы“. Я отказался. Через месяц маски-шоу. „Финансирование экстремизма“. Арестовали счета, парализовали работу. В газетах написали, что я „сектант-мошенник“. Заказчики разбежались. Пока я сидел в СИЗО, они обанкротили мою фирму и скупили все активы за бесценок. Классическая схема. И „сектоведение“ тут просто удобный инструмент для рейдерства. Ничего личного, просто бизнес».

Голос. Юлия Климова, жена осужденного Свидетеля Иеговы.

«Я до сих пор оглушена... Уже полтора года лечусь у психотерапевтов, у психологов, пью лекарства. То, в чем обвиняют моего мужа, это все настолько белыми нитками шито, что просто нет слов. Я не понимаю: кому и зачем это нужно? Как мне однажды сказали на допросе: "Вы влезли в политику"».

Конвейер продолжает свою работу. Он перемалывает жизни, судьбы, души. Он работает методично, бесшумно, эффективно. И самое страшное в этой истории не жестокость отдельных исполнителей, а холодная, расчетливая логика всей системы. Системы, которая научилась превращать любовь в экстремизм, а детей в пыль.

Часть 5. Осколки

Тишина. В этой тишине только тиканье старых настенных часов. Медленно, неумолимо. Как капающая вода. Как отсчет времени, которого больше нет. В

комнате почти пусто. Кровать, стол, стул. На стене единственное украшение. Старый, пожелтевший, много раз сложенный и разглаженный лист бумаги. Детский рисунок. Четыре человечка и кот держатся за руки под огромным желтым солнцем.

Голос. Она.

Меня зовут [Имя]. Это имя мне дали в новом паспорте, когда мне исполнилось шестнадцать. Это не мое имя. Мое настоящее имя умерло вместе с моей семьей в тот день, когда мне исполнилось восемь.

Иногда я просыпаюсь ночью, и во рту привкус металла и пыли. Привкус того коридора, по которому меня вели. Я помню запах. Хлорка и кислая капуста. Этот запах въелся в мою память, как клеймо. Они говорили, что спасают нас. От мамы. От папы. Они спасали меня от запаха ванильного крема и теплых маминых рук, от папиных сказок на ночь и от мурлыканья кота. Они спасли меня, поместив в мир, где пахло хлоркой, страхом и чужой болью.

Я научилась быть невидимой. Я живу. Если это можно назвать жизнью. Работаю в архиве. Перебираю старые, пыльные бумаги. Мне нравится тишина и пыль. Она укрывает меня, делает незаметной. Пыль — это следы чужих жизней, перемолотые временем. Я чувствую себя своей среди них. Я не завожу друзей. Не смотрю людям в глаза. Любое прикосновение, даже случайное в автобусе, заставляет меня вздрагивать. Кожа помнит. Она помнит все. Потные руки «батюшки», которые «изгоняли беса», его дыхание с запахом лука. Удары воспитательницы. Ледяные глаза женщины из опеки.

Иногда я смотрю в зеркало и не узнаю себя. Я вижу женщину с уставшими глазами и тонкими, плотно сжатыми губами. В ее глазах нет ничего. Пустота. Они забрали все. Они забрали мое детство, мою семью, мое имя. Они забрали мою способность чувствовать. Я как тот разбитый кувшин из притчи, который склеили, но воду в нем держать уже нельзя. Она вытекает сквозь трещины.

Единственное, что у меня осталось, это память. Она жжет, она мучает меня, но она единственное доказательство того, что я когда-то была живой. Что у меня была мама, которая пахла яблочным пирогом. И папа, который строил мосты. И брат,

который был капитаном нашего игрушечного корабля. Я цепляюсь за эту память, как утопающий за соломинку. Пока я помню, они не победили до конца.

Они не знают, что я жива. Для них я статистическая единица. «Реабилитирована и устроена в приемную семью». Они не знают, что я все помню. Каждый взгляд. Каждое слово. Каждый удар.

Голос. Отец. Из неотправленного письма, написанного на обороте счета за коммунальные услуги. Прошло десять лет после освобождения.

Сынок. Здравствуй.

Если ты когда-нибудь это прочтешь. Я пишу тебе каждый год в твой день рождения. Я не знаю, где ты. Жив ли ты. Я просто пишу в пустоту, в надежде, что слова, как птицы, найдут тебя.

Мне уже шестьдесят два. Волосы совсем седые. Руки дрожат. Я больше не строю мосты. Я работаю сторожем на автостоянке. Сажу в своей будке, смотрю на чужие машины и думаю. Думаю о тебе. И о ней. О вашей маме.

Она не дождалась. Ее сердце не выдержало. Через два года после того, как мы вышли. Нас выпустили в один день. Два чужих, сломленных старика. Мы стояли у ворот колонии и не знали, куда идти. Наш дом продали. Все, что было, исчезло. Мы сняли комнатуху на окраине. С ободранными обоями и окном во двор-колодец. И начали искать. Вас.

Это был наш единственный смысл. Мы писали запросы, ходили по инстанциям, нанимали каких-то мутных частных детективов, которые брали последние деньги и исчезали. В ответ стена. «Тайна усыновления». «Информация не предоставляется». Будто вас никогда и не было.

Мама угасла за год. Тихо. Во сне. Просто однажды утром не проснулась. Врач сказал сердце. А я знаю ее убила тоска. Перед смертью она все время шептала имя твоей сестры. Будто звала ее.

А я остался. Зачем не знаю. Наверное, чтобы помнить. В тюрьме было легче. Там была надежда. Там я думал о вас, и это давало силы.

Когда я был в тюрьме, я иногда думал о Свидетелях, которых пытали в нацистской Германии... Я читал много биографий Свидетелей Иеговы, описывающих их время

в лагерях. Их тоже мучили холодом и жарой, подвергали громкой музыке, чтобы сломить их волю и повлиять на разум. Так что это было то же самое.

Я думал, что пройду через это, выйду и мы снова будем вместе. Какой же я был наивный. Самое страшное началось не там, в камере. А здесь, на воле. В этой оглушающей тишине, где нет ваших голосов. Я вспоминаю, как учил тебя кататься на велосипеде, как ты упал и разбил коленку, а я нес тебя на руках домой. Я бы нес тебя на руках всю жизнь, сынок, если бы мог.

Прости меня. Прости, что не смог вас защитить. Это единственное, о чем я прошу Бога каждый день. Прощения.

Твой отец.

Пауза. Шум дождя за окном. Монотонный, безнадежный. Он стучит по карнизу, по стеклу, будто пытается что-то сказать. Но его никто не слушает.

Эпилог. Тишина после шторма.

Голос. Она.

Иногда ко мне приходит брат. Во сне. Он все такой же двенадцатилетний, каким я его видела в последний раз. С испуганными глазами. Он стоит на другой стороне улицы и молчит. Я хочу к нему подбежать, крикнуть его имя, но не могу. Ноги врастают в асфальт. И я тоже молчу. Мы просто смотрим друг на друга через дорогу, по которой сплошным потоком мчатся машины. И я просыпаюсь.

Я нашла его. Недавно. Через волонтеров. Один из них, седой, уставший мужчина, позвонил мне и сказал: «Мы нашли запись. Мальчик с похожими данными. Интернат №5 для трудных подростков. [Чужая Фамилия], [Чужое Имя]». Они нашли его могилу. Он погиб через три года после того, как нас разлучили. «Несчастный случай. Выпал из окна интерната для трудных подростков». Так написано в документах. Я знаю, что это не был несчастный случай. Они его сломали. А потом выбросили, как сломанную игрушку.

Я стою у его могилы. Маленький холмик, заросший сорняками. Дешевая металлическая табличка с чужим именем. Я кладу на нее руку. Холодный металл. Я не плачу. Я уже говорила, я не умею плакать. Я просто стою и смотрю. Я пытаюсь

представить его лицо, но вижу только ужас в глазах мальчика на той стороне площади.

Что дальше? Не знаю. Месть? Кому мстить? Винтику в системе? Или всей системе? Это как мстить урагану, который снес твой дом. Бессмысленно. Прощение? Я не знаю, что это такое. Как можно простить то, что не имеет имени?

Они думают, что победили. Они думают, что стерли нас. Они ошибаются.

Каждый вечер я возвращаюсь в свою пустую комнату. Я сажусь за стол. Я беру ручку и бумагу. И я пишу. Я пишу нашу историю. Это началось после того, как я нашла его могилу. Я поняла, что если я не напишу, то он исчезнет навсегда, даже из моей памяти. Я возвращаю нам наши имена. Я возвращаю маме запах ее пирога. Я возвращаю папе его сильные руки. Я возвращаю брату его капитанский корабль. Я пишу, чтобы они не превратились в пыль. Чтобы их голоса не затихли.

Они отняли у меня все, кроме голоса. Это единственное, что у меня осталось. И пока я говорю, пока я пишу, пока хоть один человек услышит это эхо — эхо миллионов несломленных голосов — мы живы.

Я смотрю на рисунок. На маленькую девочку с косичками, которая держит маму за руку. И впервые за двадцать лет я чувствую, как по моей щеке медленно ползет что-то горячее и соленое.

Кажется, я вспоминаю, как плакать.

А значит, я вспоминаю, как жить.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. About-Dvorkin.ru. (2018 г, 12 сентября) Протоиерей Владимир Головин о Дворкине и борьбе с «сектами». [Видео]. YouTube.
<https://youtu.be/UQSLMIBose4>
2. Besier, G., & Seiwert, H. (Eds.). (2012). Freedom of religion or belief: Anti-sect movements and state neutrality: A case study: FECRIS. LIT Verlag.
https://www.academia.edu/21732719/Freedom_of_Religion_or_Belief_Anti_Sect_Movements_and_State_Neutrality_A_Case_Study_FECRIS
3. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Sympathy for the devil: The anti-cult federation FECRIS and its support for Russian and Chinese repression of religion. *The Journal of CESNUR*, 6(3), 25–67.
4. Bitter Winter. Donetsk and Luhansk: Denying religious liberty. Bitter Winter.
<https://bitterwinter.org/donetsk-and-luhansk-denying-religious-liberty/freedomofbelief.net>
5. Bornstein, J. L. (2023, May 22). Did anti-cult federation FECRIS lose at once 38 member-associations, or did it fake numbers? *The European Times*.
<https://europeantimes.news/2023/05/fake-associations-fecris-downfall/>
6. Bornstein, J. L. (2022, March). How the anti-cult movement has participated to fuel Russian anti-Ukraine rhetoric. *The European Times*.
<https://europeantimes.news/2022/03/how-the-anti-cult-movement-has-participated-to-fuel-russian-anti-ukraine-rhetoric/>
7. Council of the European Union. (2008, 28 November). Council Framework Decision 2008/913/JHA of 28 November 2008 on combating certain forms and expressions of racism and xenophobia by means of criminal law. *Official Journal of the European Union*, L 328, 55–58. <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32008F0913:EN:HTML>
8. Dvorkin, A. L. (2002). *Sektovedenie: totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniya* [Sectology: Totalitarian sects. An attempt at a systematic study] (3rd ed., rev. and enl.). Nizhny Novgorod, Russia: Izdatel'stvo Bratstva vo imya sv. knyazya Aleksandra Nevskogo.
9. Dvorkin, A. L. (2020). *Khroniki krestovykh pokhodov* [Chronicles of the Crusades] (Vols. 1–4). Moscow, Russia: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya.

10. Human Rights Watch. (2017, 21 апреля). Россия: Суд запретил Свидетелей Иеговы. Human Rights Watch.
<https://www.hrw.org/ru/news/2017/04/21/302591>
11. Ivanenko, S. I. (1999). O lyudyakh, nikogda ne rasstayushchikhsya s Bibliyei [About people who never part with the Bible]. Moscow, Russia: Art-Biznes-Tsentr.
12. Ivanenko, S., & Volkova, E. (2024). The people who are steadfast under persecution: Jehovah's Witnesses in 21st century Russia. Official website of the religious scholar Sergei Ivanenko. <https://ivanenko.online/en/book/the-people-who-are-steadfast-under-persecution/>
13. Jehovah's Witnesses. (2024). 2024 service year report of Jehovah's Witnesses worldwide. <https://www.jw.org/en/library/books/2024-Service-Year-Report-of-Jehovahs-Witnesses-Worldwide/>
14. Jehovah's Witnesses. (2016, February). The facts about Jehovah's Witnesses. Awake! <https://www.jw.org/en/library/magazines/awake-no1-2016-february/facts-about-jehovah-witness/>
15. One life out of millions. (2024, October 5). ActFiles. Exposing Anti-Cultism. <https://actfiles.org/one-life-out-of-millions/>
16. Panin, S. (2019). Alternative spiritualities in Russia during the conflict in Ukraine. In E. A. Clark & D. Vovk (Eds.), Religion during the Russian-Ukrainian conflict. Routledge.
17. Pertsev, A. (2023, March 23). How Kiriyenko is winning Putin's ear. Carnegie Endowment for International Peace. <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2023/03/how-kiriyenko-is-winning-putins-ear?lang=en>
18. The IMPACT. Episode 7. The abode of anti-cultism. The "Russia" case (video & text version). ActFiles. Exposing Anti-Cultism. <https://actfiles.org/the-impact-episode-7-the-abode-of-anti-cultism-the-russia-case-video-text-version>
19. The Holocaust Explained. Jehovah's Witnesses. The Holocaust Explained: Designed for schools. <https://www.theholocaustexplained.org/life-in-nazi-occupied-europe/oppression/jehovahs-witnesses/>
20. United States Commission on International Religious Freedom. (2022, March). USCIRF backgrounder: Russia. <https://www.uscifr.gov/sites/default/files/2022-03/2022%20Russia%20Backgrounder.pdf>

21. Европейский суд по правам человека. (2022, 7 июня). Case of Taganrog LRO and Others v. Russia (дело по жалобам Свидетелей Иеговы против России). HUDOC. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-217535>
22. Верховный Суд Российской Федерации. (2017, 20 апреля). Решение по делу № АКПИ17-238 (о ликвидации религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и входящих в её структуру местных организаций).
23. Верховный Суд Российской Федерации. (2017, 20 апреля). Решение по делу № АКПИ17-238 (о ликвидации религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и входящих в её структуру местных организаций).
24. Верховный Суд Российской Федерации. (2021, 28 октября). Постановление Пленума № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399762/
25. Верховный Суд Российской Федерации. (2021, 28 октября). Постановление Пленума № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399762/
26. Дворкин, А. Л. Раздел первый. Введение в сектоведение. Глава 1. Вступление. Религия, которая убивает. В Сектоведение. Тоталитарные секты. Азбука.
27. Европейский суд по правам человека. (2022, 7 июня). Case of Taganrog LRO and Others v. Russia (дело по жалобам Свидетелей Иеговы против России). HUDOC. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-217535>
28. Интерфакс. (2022, 7 июня). В РФ не будут исполняться решения ЕСПЧ, принятые после 15 марта 2022 года. Интерфакс. <https://www.interfax.ru/russia/845074>
29. Как создать православный апологетический центр. Ставрос. <https://stavroskrest.ru/content/kak-sozdat-pravoslavnyy-apologeticheskiy-centr>
30. Конституция Российской Федерации. (1993, 12 декабря). Конституция Российской Федерации (с изм., одобренными 1 июля 2020 г.), ст. 28. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
31. Общественное телевидение России. Александр Дворкин: Если «Свидетели Иеговы» не признают конституционный строй страны, почему государство

- должно освобождать их от уплаты налогов? Сегодня в России [Телепередача]. ОТР. <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/aleksandr-dvorkin-25929.html>
32. Организация Объединённых Наций. (1966, 16 декабря). Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 20. United Nations Treaty Series, 999, 171. Текст на сайте УВКПЧ ООН: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights>
33. Пинчук, А. (2019, 28 марта). Попытки «Свидетелей Иеговы»: экспертиза против следователей. Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/29847876.html>
34. Правозащитный центр «Мемориал». (2019, 3 марта). Свидетели и палачи: В России усиливаются репрессии против Свидетелей Иеговы. Правозащитный центр «Мемориал». <https://memohrc.org/ru/monitorings/svideteli-i-palachi>
35. Радио Свобода. (2019, 1 мая). «Вы поступаете, как фашисты». Рассказ бежавшего Свидетеля Иеговы. Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/29914897.html>
36. Российская Федерация. (1996, 13 июня). Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ, ст. 282.2: Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации (в ред. ФЗ от 23.07.2025 № 216-ФЗ). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
37. Российская Федерация. (2002, 25 июля). Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Собрание законодательства РФ. Официальный текст: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221>
38. Свидетели Иеговы в России. Юридическая ситуация. (2024, 23 декабря). «Сажает меньше, но жестче». Репрессии против Свидетелей Иеговы: итоги 2024 года. Свидетели Иеговы — юридическая ситуация в России. <https://www.jw-russia.org/news/2024/12/230900.html>
39. Сектоведы по вызову. Век. <https://wek.ru/sektovedy-po-vyzovu>
40. Солдатов, А. (2024, 25 ноября). Свидетели умирают под следствием: Пошел восьмой год тотальных репрессий против свидетелей Иеговы* в России.

Новая газета Европа. <https://novayagazeta.eu/articles/2024/11/25/svideteli-umiraiut-pod-sledstviem>

41. Филимонов, А. (2019, 10 ноября). «Мы тебя посадим и посмотрим, как тебя будут вытаскивать». За что последователь Свидетелей Иеговы получил 6 лет колонии. Настоящее Время. <https://www.currenttime.tv/a/svideteli-iegovy/30262444.html>